

**МЕФОДИЙ
БУСЛАЕВ**

В СЕРИЮ ВХОДЯТ:

МАГ ПОЛУНОЧИ
СВИТОК ЖЕЛАНИЙ
ТРЕТИЙ ВСАДНИК МРАКА
БИЛЕТ НА ЛЫСУЮ ГОРУ
МЕСТЬ ВАЛЬКИРИЙ
ТАЙНАЯ МАГИЯ ДЕПРЕСНЯКА
ЛЕД И ПЛАМЯ ТАРТАРА
ПЕРВЫЙ ЭЙДОС
СВЕТЛЫЕ КРЫЛЬЯ ДЛЯ
ТЕМНОГО СТРАЖА
ЛЕСТНИЦА В ЭДЕМ
КАРТА ХАОСА
ОЖЕРЕЛЬЕ ДРИАДЫ
СТЕКЛЯННЫЙ СТРАЖ
ТАНЕЦ МЕЧА
ОГНЕННЫЕ ВРАТА
КНИГА СЕМИ ДОРОГ
ЛАДЬЯ СВЕТА
ОШИБКА ГРИФОНА
САМЫЙ ЛУЧШИЙ ВРАГ

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

МЕФОДИЙ БУСЛАЕВ

САМЫЙ ЛУЧШИЙ
ВРАГ

Художник А. ДУРАСОВ

МОСКВА 2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Оформление серии *Светланы Прохоровой*

Емец, Дмитрий Александрович.

Е60 Мефодий Буслаев. Самый лучший враг : повесть / Дмитрий Емец. — Москва : Эксмо, 2016. — 480 с. — (Мефодий Буслаев).

ISBN 978-5-699-88917-4

Когда-то давным-давно, когда не было ни нашей планеты, ни Солнца, ни звезд, ни даже времени и пространства, произошел огромный взрыв, от которого осталась частица первоматерии. Она способна подарить невиданную силу, вылечить любые раны и выполнить одно-единственное заветное желание. С незапамятных времен этот артефакт хранился в Запретных землях, под присмотром титанов, черпавших у него свою мощь, но затем исчез. Много столетий его искали, а вот теперь он появился в Москве. И значит, все магические существа со всех сторон света потянутся к нему за исцелением. Но Мефодию нужно не исцеление – частица первоматерии способна помочь Арею, томящемуся в страшной Расщелине Духов. И бывший наследник Мрака сделает все, чтобы освободить своего учителя. Однако у его друга светлого стража Варсуса тоже есть заветное желание, и он жаждет добраться до артефакта первым...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88917-4

© Емец Д., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2016

Если кого-нибудь любишь и чувствуешь там где-то алтарь — не входи туда, напротив, обернись лицом в другую сторону, где все погружено во мрак, и действуй только силой любви, почерпнутой из источника позади тебя, иждидайся в терпении, когда голос тайный зовет тебя обернуться назад и принять в себя прямой свет.

М. Пришвин. Дневник. 1918 год

Поймал себя на том, что не могу создать ничего, не связанного с чем-либо, уже существовавшим в мире до меня... Звуки маголодий, люди, природа, переживания, даже сами мои мысли и слова, которыми я это выражаю, — все это уже было. Жизнь как холст, впечатления — как готовые краски. То есть основа творчества находится не во мне! Есть нечто, что больше меня и что является единым источником всякого возможного творчества во Вселенной!

Более того, мое собственное творчество — или то, что я считаю таковым, — только тогда обретает силу, когда я опираюсь на это универсальное, могучее, вечно существующее. Когда правдиво отражаю его. И чем дальше я от этой внутренней правды, тем слабее выходит то, что я делаю.

Корнелий

Глава первая

СОЗДАНИЯ ПЕРВОХАОСА

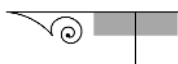

При дуэли с огнестрельным оружием большое значение имело расстояние между противниками. Для Западной Европы 15 шагов было минимальным расстоянием между барьерами, а обычным считалось 25–35 шагов. В русских поединках это расстояние колебалось от 3 до 25 шагов, чаще оно было 8–10 шагов, в крайнем случае 15, если дрались на пистолетах... Самой опасной была дуэль «через платок», когда из двух одинаковых пистолетов секунданты заряжали только один, участники выбирали оружие, брались за диагонально противоположные концы карманного платка и по команде распорядителя стреляли. Оставшийся в живых понимал, что заряжен был именно его пистолет.

М. В. Короткова.
«Традиции русского быта»

Все как прежде. Та же небольшая кухня Фулоны. То же пятно отражающейся в стекле лампы. Тот же размытый ночной двор за окном, отблескивающий серебристыми спинами припаркованных машин. Те же пятна света на многоэтажке напротив, делающие ее чешуйчатой, рыбной.

Все так же, но не так. Сейчас от этой привычности скребет душу. Поворачиваешься на круг знакомого лица — и понимаешь, что лицо это совсем-совсем дру-

гое. А то, что померещилось, того уже нет и никогда не будет.

Но есть и знакомые. Вот Ирка с Багровым. Вот на своей тележке сидит Дион. Руки у него задорно скрещены на груди. Так же лихо торчат кончики мушкетерских усиков. На оруженосцев Дион поглядывает с вызовом. Ну-ка! Может, кто-то хочет что-то сказать? А не сказать, так ухмыльнуться? А, господа? Кто первый?

Но оруженосцам хватает ума не связываться. У многих еще болят кости после последней тренировки, когда Дион в одиночку раскатал семерых. Просто голыми руками, ни разу не прибегнув к своим ножам.

Рядом с Дионом стоит и Варсус — худенький юноша в свитерке. Сейчас он сама скромность, всем своим видом подчеркивает, что он только оруженосец Брунгильды. Так и Виктор Шилов сейчас просто оруженосец Прасковьи. Сидит на подоконнике и от нечего делать грызет апельсиновые корки, которые сушит Фулона. Кто-то сказал ей, что они отпугивают моль. Корки горькие, жесткие, но Шилов все равно их грызет, кусая их крепкими, неровно растущими зубами. Страшный зарубцевавшийся ожог на правой щеке не виден: эта щека обращена во двор.

Вот Гелата, бледная, с синими кругами под глазами. Сидит в кресле, которое специально для нее принесли из комнаты, и улыбается слабой, но счастливой улыбкой человека, ощущающего в себе возрождение жизни. Гелате лучше, свет сумел исцелить ее, но она потеряла много крови и очень слаба. По лестницам оруженосец носит ее на руках.

Дафна с Мефодием на кухне не поместились, поскольку кухню хоть и расширили пятым измерением, но небрежно, всего на несколько метров. Дафна сидит на складном стульчике, приобретенном оруженосцем Фулоны для зимней рыбалки, а Мефодий опирается руками о ее плечи. В рюкзаке у Мефодия тетрадь с переплетом на пружинке. В тетради он уже которую неделю ведет учет всех оставшихся на земле магических животных. Это первое его серьезное задание, полученное от Троила. Учет правильный, научный, по видам, подвидам, родам, семействам — все же обучение на биофаке не прошло даром.

Здесь же и Эссиорх. Он приехал на мотоцикле и теперь то и дело, приподнимаясь на цыпочки, выглядывает в окно, опасаясь, что либо мотоцикл угонят, либо обледенеет бензин в шланге бензонасоса и потом не заведешься. Его мотоцикл капризен, как любимая женщина.

Улита (другая его любимая женщина) с Люлем, приехавшие на такси, оккупировали комнату. Маленький Люль один ухитрился занять больше места, чем десять оруженосцев. В коридоре стояла его коляска, с колес которой, подтаивая, стекала грязь. Повсюду валялись комбинезоны, колготки, шапки, варежки на резинке, майки и слюнявчики. Мусорное ведро, принявшее в себя два раздутых памперса, не могло больше вместить даже фантика. Брезгливая Ильга старалась вообще не смотреть в эту сторону.

— Памперс перегнивает двести лет! Представляешь: ребенок уже давно старик, а на свалке лежит его мало изменившийся памперс! — сказала она оруженосцу.

Оруженосец кивнул, прислушиваясь к доносившимся из комнаты воплям и улюлюканию. Улита подпрыгивала с Люлем на руках. Люль хохотал. Пол сотрясся. Соседи снизу хоть и стучали по батарее, но довольно тихо. Еще бы: где им набраться сил и найти что-то твердое в два часа ночи? Максимум нашарили в темноте тапку.

Фулона потрогала раскаленный бок чайника. Задержала руку чуть дольше, чем это требовалось. Поморщилась. Посмотрела на своего оруженосца. Тот перестал щипать струны гитары.

— Ну что... — валькирия золотого копья кашлянула, поскольку и сама испытывала некоторую робость. — Все здесь?

— Кроме одиночки. Эти одиночки всегда в своем репертуаре, — Хаара бросила полуколючий-полунасмешливый взгляд на Ирку.

— Ничего страшного! Видно, что-то ее задержало, — миролюбиво сказала Фулона. — Ну что ж.. В таком составе мы собираемся впервые. Давайте знакомиться! У нас пятеро новеньких... Начнем с Прасковьи, валькирии ледяного копья! Вдруг кто-то из оруженосцев ее еще не знает...

Прасковья резко вскинула голову. Чай в ее чашке закипел и испарился. Все любезно сделали вид, что ничего не заметили. На Прасковье был свитер ее любимого алого цвета, такого яркий, что и смотреть на него было больно.

Малютка Зигя, примостившийся у ног мамочки, оглушительно чихнул. Экспериментируя, он только

что попытался втянуть через нос шоколадку, и фольга его защекотала. Хаару, оказавшуюся по курсу его чиха, отодвинуло на метр вместе с табуреткой.

— Милый ребенок! — сказала Хаара.

— Да, — с вызовом подтвердил Шилов. — Так и есть. А что, кто-то не согласен?

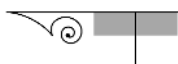
Поняв, что назревает ссора, Фулона незаметно переместилась между Шиловым и начинающей багроветь Хаарой.

— Еще один новичок! Арла — валькирия медного копья! Копье призвало ее на место погибшей Холы, — представила она.

О гибели Холы Фулона упомянула очень просто, без кокетливых ужимок с зашкаливающим страданием, которые часто сопровождают чужую смерть, и потому это не выглядело как предательство.

Арла привстала, показываясь тем, с кем еще не была знакома. Новая валькирия медного копья была задумчивая девушка-ветеринар. Высокая, с бледным лицом и длинными темными волосами, которые она носила распущенными. До того как стать валькирией, Арла, которую тогда звали Леной, день и ночь потрошила мышек, крысок и лягушечек. Сидела где-нибудь в уголке со скальпелем и потрошила на газетке. Пока подружки кино смотрят, она мышку тихонечко поймает и сделает зарисовку внутренних органов или найдет у нее аппендикс.

— Маргарита — валькирия сонного копья, — продолжала Фулона. — Находка Корнелия... Вы знаете, что на сонное копьё мы долго не могли найти достойно-

го кандидата, а тут копые приняло ее сразу!.. Разбудите кто-нибудь Маргариту! Впрочем, не надо! Она устала.

— Устала? Да она еще в машине спала! Я ее спрашиваю: «Ты не спишь?» А она мне: «А разве не ты за рулем?» — пожаловался оруженосец Маргариты, парень с короткими щетинистыми волосами, делавшими его похожим на кабанчика. Несмотря на то что он выглядел крепким, он едва сидел, поскольку с соседнего стула на него заваливалась спящая Маргарита.

— Ничего, бывает... — Фулона с нежностью посмотрела на посапывающую Маргариту. — Привыкание к копыю не всегда проходит легко. А ты запомни! Оруженосец никогда не должен жаловаться на свою валькирию. Напротив, должен всячески покрывать ее и защищать. Жалующиеся оруженосцы наказываются у нас просто... Сорок секунд спарринга с каждой из валькирий по кругу!

Оруженосец побледнел, но все же приосанился, насколько это было возможно под тяжестью дремлющей хозяйки.

— Я айкидо занимался полтора года! — предупредил он.

— Везет тебе! — позавидовала Фулона. — Вот и покажешь нам всем, начиная с Брунгильды... Но не сейчас... Для первого раза ограничимся предупреждением... — И она опять ласково посмотрела на дремлющую Маргариту. Заметно было, что новая валькирия ей нравится.

Нашел же ее Корнелий так. Как-то, проголодавшись, он заскочил в кафе, где за витриной со свежей

выпечкой томилась большая полная девушка. Она была так бела и нежна, что, когда смущалась и вспыхивала, казалось, что под кожей у нее включаются алые тепловые спирали. Даже в десяти шагах становилось жарко. Когда девушка вздыхала, чудилось, что раздуваются кузнечные меха, такая в ней была мощь. Однако все, что она делала, это отсчитывала сдачу или блестящими щипчиками раскладывала по тарелочкам круассаны. И при этом буквально спала на ходу. Некоторое время Корнелий в восхищении разглядывал девушку, а потом, рассмешив ее чем-то, взял у нее телефончик.

Фулона попала пальцем в варенье, мимоходом облизала его и тем же пальцем показала на следующую из новеньких:

— Пеппа! Валькирия ужасающего копья!

У новой хранительницы ужасающего копья были курчавые жесткие волосы и вытатуированные широкие брови, что удивляло, поскольку при таких волосах и собственные брови были у нее скорее всего о-го-го. Двигалась она порывисто, вечно все роняла и ломала. Вот и сейчас, пока Фулона ее представляла, она ухитрилась дернуть рукой и опрокинуть на колени Гелате чашку с чаем.

— Ой! Прости! — воскликнула Пеппа, вскакивая и вслед за чашкой роняя еще и свой стул.

— Ничего, — успокоила ее Гелата, закрывая глаза, чтобы в полной мере ощутить, как горячий чай стекает ей в шерстяные носки. — Сущие мелочи! Я как раз собиралась попарить ноги!

Несмотря на свою грозную внешность (она была низкого роста, мрачная, коренастая, с широченной голенью, мощной, как взведенная пружина, и такими же широченными запястьями), Пеппа была очень влюбчива. Фулона впервые встретила ее в магазине, где Пеппа, прячась за холодильником с соками, фотографировала мужчину своей мечты в очереди за сосисками.

— Он тебе нравится? — спросила Фулона, подходя к ней сзади. Она знала, что не ошиблась, потому что ее вело чутье старшей валькирии.

Пеппа оглянулась на нее, готовая вспылить, но Фулона была так величественна и спокойна, что гнев Пеппы улетучился.

— Что толку? — сказала она убито. — Я для него... ну как для меня вот эта вот стена...

— Если ты возьмешь копьё, он станет твоим оружием! — сказала Фулона. — Никто не откажет валькирии. Любой, кого она изберет, пойдет за ней, будь он даже голливудским актером. Проблема в другом: тот ли он, кто тебе действительно нужен? Не подведет ли тебя в бою? Впрочем, решать тебе!

И Пеппа решила. Уже через два часа она с такой энергией орудовала ужасающим копьём, распарывая мешки с песком, что даже бесстрашная Хаара сказала ей: «Слушай, новенькая... отойди-ка от меня подальше! А то мне как-то не по себе!»

Мужчина мечты по имени Федор, на которого Пеппа все же сделала ставку, теперь скромно стоял у стеночки и, мелко кивая, каждую секунду говорил кому-нибудь «Здрасьте!». По всем признакам, ему было

неуютно. Хотелось в очередь за сосисками, но все магазины были закрыты.

— Ну вот вам Пеппа! У меня ощущение, что она просто родилась с копьем в руке! Идет семимильными шагами! Если не охладает, будет толк, — похвалила Фулона, любуясь ею. — А теперь, кто не знает, — новая валькирия бронзового копья! А где Варля?.. Варля! Кто Валентину видел? Она вообще приезжала?

— Я тут, — прошелестел едва слышный голос.

Фулона оглянулась.

— Да-да, конечно! Я вспомнила! Мы же с тобой салаты резали!.. — сказала она в явном смущении. — А вот, кгхм, и Варля! Прошу любить и жаловать!

Валькирия, заступившая на место Малары, была худенькая робкая девушка-математик. Круглая отличница и в школе и в университете, никогда не скачавшая ни одного готового реферата, а все написавшая самостоятельно, выполнявшая двадцать письменных заданий, когда задавали два, и десять, когда не задавали ни одного, но при этом стеснявшаяся открывать рот на экзамене и краснеющая пятнами, когда ее спрашивали, Варля была быстра, услужлива и абсолютно невидима в своей робости. Вот и сейчас в гостях у Фулоны она начала с того, что забившись, как улитка, между холодильником и раковиной, перемыла всю посуду. Причем никто даже не заметил, чьим посредством посуда ухитрилась очиститься, настолько все произошло тихо и само по себе. Раз — посуда чистая, и Варли рядом нет. Сидит на маленьком стульчике у мусорного ведра и тихо улыбается, положив руки на колени.